

1900 деревьев

Рассказ

Игорь Патанин

Игорь Патанин
1900 Деревьев

«Автор»

2026

Патанин И.

1900 Деревьев / И. Патанин — «Автор», 2026

Восемьдесят шесть лет назад пятнадцатилетний Асанбек вместе с другими школьниками посадил на городском бульваре молодое дерево. Тогда никто из них не знал, что совсем скоро начнется война и вернуться домой суждено не всем. Спустя почти век Асанбек снова приходит на этот бульвар. Теперь здесь работает техника, вскрыт асфальт, исчезла привычная табличка, а впереди реконструкция и новая история старого места. Среди деревьев, переживших войну, смену эпох и несколько поколений горожан, он пытается найти одно, то самое, посаженное собственными руками весной 1940 года. «1900 деревьев» — рассказ о том, что остается от человека спустя десятилетия, о памяти, которую невозможно сохранить одним лишь названием или памятником, и о прошлом, которое иногда продолжает жить совсем рядом — достаточно протянуть руку и прикоснуться.

© Патанин И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Рассказ	5
Конец ознакомительного фрагмента.	7

1900 Деревьев

Рассказ

Шум разбудил его еще до рассвета. Не обычный городской гул, к которому за прожитый век уже притерся слух, а что-то другое: тупые металлические удары, передававшиеся сквозь стены, сквозь пол, сквозь само тело. Так бьет земля, которую вскрывают против воли.

Асанбек лежал на спине и слушал потолок.

Потолок молчал. Удары продолжались.

Он встал, не включая свет, натянул брюки, нашел пальто на вешалке на ощупь. На кухонном столе оставил записку. Два слова, как всегда, когда уходил рано: «Вышел. Вернусь», и тихо потянул дверь на себя, придерживая, чтоб замок не щелкнул.

Апрель нынче запаздывал. Деревья во дворе стояли почти голые, только в почках. Напряженные, будто еще не решили, можно ли. Асанбек поднял воротник, взял трость и пошел.

Утро пахло мокрым асфальтом и чужим табаком.

Он не торопился. Давно уже не торопился. Не потому что не мог, а потому что понял: спешка не сокращает путь, она только съедает то, что в нем есть. Он шел и смотрел. Дворник с метлой — движения усталые, почти сомнамбулические, но метет. Молодая женщина катит коляску и смотрит в телефон. Ребенок ей, кажется, сейчас интересен меньше, чем экран, но это ее дело. Кошка на подоконнике первого этажа провожает его взглядом хозяйки, которой давно надоело хозяйство.

Асанбек кивнул кошке. Та моргнула с достоинством.

До бульвара было десять минут ходьбы. Раньше было семь.

Неладное он почуял еще с угла. Воздух стал другим. Пространство, которое он знал наизусть, было узнаваемым и одновременно обнаженным, как лицо человека, которого побрили налысо.

Земля вдоль аллеи была вскрыта. Кустарники валялись в стороне бурыми охапками, корнями вверх. Асфальт дорожек взломали и сложили в неровные плиты — как лед после ледохода. Посреди всего этого копошилась техника: методично, без злобы, с полным равнодушием к тому, что именно ломать.

Но деревья стояли.

Асанбек выдохнул, и только тогда понял, что не дышал.

Там, где прежде висела табличка с названием, зияло светлое пятно на стене: краска не успела выгореть, как все вокруг. Чуть дальше — фанерный щит: *«Реконструкция. Приносим извинения за неудобства»*.

Он постоял у щита. Прочитал дважды. Вошел.

Двое рабочих шли навстречу, переговариваясь вполголоса.

— ...говорят, переименуют, — сказал один. — Уже решено, будто бы.

— В честь кого?

— Какого-то деятеля. Не знаю.

Асанбек шел, глядя под ноги — на разрытую землю, на рубленые корни, торчавшие из перевернутого дерна, как обломанные пальцы, и почти не слышал. Остановился и спросил им вслед, тихо, почти себе:

— А деревья тоже переименуют?

Рабочие не услышали. Ушли.

А он не стал повторять.

Третий размечал что-то на земле у старой клумбы — молодой парень, поднятый на смену слишком рано: лицо сонное, рулетка в руке. Асанбек подошел.

— Деревья трогать будете?

Парень поднял глаза.

— Пока приказа нет.

— А когда будет?

— Тогда и будем. — Он снова посмотрел на рулетку. — Мы по плану.

— Кто план составлял?

— Не я.

Это было сказано без грубости, как констатация. Парень отвернулся.

Асанбек постоял рядом молча. Потом произнес, не ему, скорее в сторону деревьев:

— Им восемьдесят шесть лет. Их сажали дети. В сороковом году.

Парень не ответил. Но рулетку опустил. И несколько секунд смотрел на стволы. Потом снова взялся за дело.

Асанбек пошел вглубь.

Между деревьями шум техники делался глуше, и в этой относительной тишине проступало что-то иное — шорох почек на ветру, собственные шаги по разбитому асфальту, и что-то еще, чему он не знал названия. Он шел медленно и иногда касался стволов рукой. Не ради опоры, скорее ради уверенности. Шершавая кора, чуть влажная после ночи.

Живые.

Запах мокрой земли ударил резче, чем мог удариться апрельский запах — с железом, с прошлогодней листвой, с чем-то холодным, что еще не решило уходить. И он увидел другую землю. Тяжелую, мартовскую, с комьями.

18 марта 1940 года.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.